

Рильке Райнер Мария

Заметки Мальте-Лауридс Бригге

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Р12

Р12 **Райнер Мария Р.**
Заметки Мальте-Лауридс Бригге / Рильке Райнер Мария – М.: Книга по Требованию, 2023. –
166 с.

ISBN 978-5-519-80711-1

ISBN 978-5-519-80711-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

застегнуто: есть нѣсколько пуговицъ, до которыхъ трудно достать самой, а когда его шили, еще не было и помину о томъ, что дѣвица можетъ уѣхать изъ дому, да еще одна. Въ семьѣ же всегда кто-нибудь найдется, кто можетъ помочь застегнуть платье. Но здѣсь... Боже мой, да кто же станетъ возиться съ ними въ такомъ большомъ городѣ? Пришлось бы обращаться къ подругамъ, но тѣ оказываются въ такомъ же положеніи и пришлось бы взаимно застегивать другъ другу. Это смѣшно и напоминаетъ семью, а желательно, чтобы ее ничто не напоминало.

Никакъ не избѣжать, чтобы за рисованьемъ иногда не задать себѣ вопроса,—а не лучше ли было бы все же остаться дома? Если бы только можно было стать кроткой, по настоящему кроткой, подъ стать остальнымъ. Но попытки сообщать достичь этого выходили какими-то бессмысленными... Всѣ дороги почему-то стали такими узкими. Нельзя раздѣлять съ семьей поиски божества, слѣдовательно, осталось, въ случаѣ чего, дѣлиться съ нею что-либо другое. Но если честно дѣлиться, то на долю cadaго придется такъ мало, что просто стыдъ. Если же при дѣлежѣ допустить обманъ, то дойдетъ до объясненій. Нѣтъ, ужъ лучше рисовать, все равно что! Со временемъ начнетъ же появляться сходство въ рисунокѣ. А искусство, даже когда оно достигается такими

малюсенькими, постепенными дозами,—все же вещь завидная.

И молодые дѣвушки изъ-за усиленной работы надъ тѣмъ, что сами же себѣ поставили цѣлью, не успѣваютъ даже глазъ поднять и не замѣчаютъ, что рисованьемъ хотятъ убить въ себѣ непобѣдимую жизнь, изображенную передъ ними въ тканыхъ картинахъ, жизнь, сверкающую своею безконечной невыразимостью. Онѣ не вѣрятъ этому. Въ наше время, когда все мѣняется, хотятъ и онѣ измѣниться. Онѣ относятся къ себѣ почти какъ къ постороннимъ, думаютъ о себѣ тоже, что могли бы сказать о нихъ въ ихъ отсутствіи мужчины. И это считается у нихъ шагомъ впередъ. Онѣ увѣрены, что имъ необходимо найти себѣ какое-нибудь наслажденіе, потомъ другое, потомъ еще, все болѣе и болѣе сильное, и въ этомъ заключается жизнь. Безъ этого рискуешь растратить ее самымъ глупымъ образомъ. И вотъ дѣвушки начинаютъ оглядываться по сторонамъ и искать... и это женщины, сила которыхъ всегда заключалась въ томъ, чтобы ихъ искали.

Думаю, что происходитъ это вслѣдствіе усталости. Впродолженіе многихъ столѣтій онѣ одни дарили полную любовь, всегда одни исполняли весь діалогъ, произносили обѣ его части. Потому что мужчины только вторили имъ, и то плохо, и своей разсѣянностью, небрежностью и рев-

ностью—своего рода небрежностью—только затрудняли для нихъ науку любви. И несмотря на это, онѣ все же крѣпились, и день и ночь крѣпились, и по мѣрѣ того, какъ накапливались ихъ несчастія, росла и ихъ любовь. И изъ числа ихъ, подъ гнетомъ безмѣрнаго горя, выработались возлюбленные съ необычайной силой чувства, которыя, призывая мужчину, преодолевали его; если же онъ не возвращался къ нимъ, то онѣ переросли его, подобно Костра Стампа или Португалкѣ; онѣ до тѣхъ поръ не отрѣшались отъ своей любви, пока мука ихъ не претворялась въ жесткое, ледяное величіе, выносить которое уже не хватало силъ. Кое-что объ нѣкоторыхъ изъ нихъ намъ извѣстно, благодаря тому, что какимъ-то чудомъ сохранились или ихъ письма, или сборники стиховъ, то обличительныхъ, то преисполненныхъ жалобъ, или ихъ портреты въ галлерейхъ. Точно сквозь слезы смотрятъ онѣ на насъ съ этихъ портретовъ, удавшихся художнику лишь потому, что онъ не понималъ, что пишетъ. Но такихъ женщинъ было на свѣтѣ гораздо больше, нежели намъ извѣстно: многія изъ нихъ сожгли свои письма, у другихъ не хватило силъ писать ихъ; на днѣ души нѣкоторыхъ старухъ таится чудное зерно, старательно ими скрываемое; женщины безформенныя, растолстѣвшія, расплывшіяся отъ того, что силы у нихъ изсякли и онѣ опустились до внѣш-

няго сходства со своими мужьями, въ сущности въ глубинѣ души, въ тайникахъ ея, тамъ, гдѣ твѣрять любовь, оставались совсѣмъ иными. Были и рожавшія, но не хотѣвшія рожать; и когда онѣ, наконецъ, умирали восьмыми родами, въ ихъ движеніяхъ все еще оставалось что-то воздушное, что бываетъ только у дѣвушекъ, радостно ожидающихъ любви. И тѣ еще, что оставались при бѣшеныхъ и пьяницахъ, потому что нашли средство душевно держаться отъ нихъ на недостижимомъ разстояніи: попадая на люди, онѣ не умѣли скрывать этого и кротко сіяли, точно общались со святыми. Кто можетъ сказать, сколько ихъ было и какія онѣ были! Онѣ точно заранѣе уничтожили всѣ слова, которыми можно было бы описать ихъ.

Но теперь, когда все мѣняется, развѣ не время и намъ измѣниться? Развѣ мы не могли бы сдѣлать попытки хоть немного развиться и мало-по-малу, постепенно, взять на себя свою долю работы въ дѣлѣ любви? Насъ избавили отъ всѣхъ ея тягостей и для насъ она опустилась до степени развлеченій. Также иногда и къ ребенку въ ящикъ съ игрушками попадаетъ кусокъ настоящаго кружева и сначала радуется его, а потомъ перестаетъ тѣшить и, наконецъ, оказывается въ кучѣ обломковъ и испорченныхъ вещей; больше всего намъ вредитъ легкость наслажденій; зато, какъ всѣ диллетанты, мы пользуемся репутаціей масте-

ровъ. А что, если бы отнестись съ презрѣніемъ къ успѣхамъ, что если бы мы начали сначала изучать работу любви, которую всегда дѣлали за насъ? Что, если бы мы превратились въ начинающихъ теперь, когда все кругомъ мѣняется?

Теперь я припоминаю какъ мы съ татап разсматривали небольшіе концы кружевъ. Дѣло въ томъ, что она заняла для себя одинъ единственный ящикъ въ секретерѣ Ингеборгъ.

— Давай посмотримъ ихъ, Мальте,—говорила она иногда и радовалась, точно ей предстояло получить въ даръ все находящееся въ маленькомъ желтомъ лакированномъ ящикѣ. Отъ нетерпѣнія она не могла какъ слѣдуетъ развернуть папиросной бумаги. Всякій разъ дѣлать это приходилось мнѣ. Но и я каждый разъ волновался, когда кружева появлялись на свѣтъ Божій. Онѣ были намотаны на деревянный валикъ, совершенно не видный изъ-за множества кружевъ. Мы осторожно начали разматывать ихъ и, по мѣрѣ того, какъ онѣ разматывались, разсматривали ихъ узоры; когда же кусокъ приходилъ къ концу, слегка пугались. Кончались-то онѣ какъ-то неожиданно.

Сверху оказывались прошвы итальянской работы, жесткія, съ выдернутой ниткой; узоръ ихъ все

время повторялся, точь въ точь какъ цвѣты въ крестьянскомъ саду. Потомъ, вдругъ, наши взоры нѣкоторое время наталкивались на рѣшетку венеціанскихъ, шитыхъ иглами, кружевъ, точно мы очутились въ монастырѣ или тюрьмѣ. Но вслѣдъ затѣмъ снова открывался свободный горизонтъ и вдали показывались сады, становившіеся все замысловатѣе, пока, наконецъ, глаза не упирались въ такую чашу, что начинало казаться будто парить вокругъ, словно въ оранжереѣ: роскошныя, невѣдомыя намъ растенія раскидывали громадныя листья и цѣплялись усиками и катушками другъ за друга, точно ощущая головокруженіе; и все вокругъ казалось запыленнымъ цвѣточной пылью громадныхъ, распустившихся цвѣтовъ *points d'Alençon*. Вдругъ, когда мы уже чувствовали утомленіе и въ головѣ у насъ все перепутывалось, мы оказывались на длинномъ пути *Valenciennes* и передъ нами разстилалась зима, и раннее утро, и иней. И мы продирались сквозь запушенные снѣгомъ кусты ивняка и оказывались въ такихъ мѣстахъ, гдѣ до насъ еще никто не ступалъ, гдѣ вѣтви какъ-то странно свѣшивались внизъ, такъ что подъ ними могла скрываться и могила; но послѣднее мы утайвали другъ отъ друга. Стужа все сильнѣе охватывала насъ и, наконецъ, когда очередь доходила до узенькихъ, страшно тонкихъ кружевъ, плетеныхъ на коклюш-

кахъ, матан говорила: «О, теперь у насъ на рѣсницахъ вырастутъ ледяные цвѣты»,—и такъ и случилось, потому что на душѣ у насъ бывало очень тепло.

Когда нужно было наматывать кружева обратно на валекъ, оба мы вздыхали, работа предстояла продолжительная, но поручить ее кому-нибудь мы не могли.

— Подумай только, что если бы намъ самимъ пришлось дѣлать ихъ,—говорила матан и на лицѣ ея выражался почти испугъ. Но ничего подобнаго я и представить себѣ не могъ. Я ловилъ себя на мысли, будто ихъ безъ отдыха ткали какія-то маленькія животныя и за это ихъ оставляли въ покоѣ. Нѣтъ, конечно, ихъ работали женщины.

— Навѣрное тѣ, что дѣлали ихъ, попали въ царствіе небесное,—замѣтилъ я, любуясь ими, и вспомнилъ при этомъ, что уже давно не упоминалъ о небѣ. Матан же вздохнула съ облегченіемъ—кружева были собраны.

Спустя немного, когда я уже позабылъ о сказанномъ, она медленно произнесла:—«Въ царствіе небесное? А мнѣ кажется онѣ, работая, находились уже въ немъ. Умѣть все такъ воспринимать, значить находиться въ вѣчномъ блаженствѣ. Вѣдь, намъ такъ мало о немъ вѣдомо».

Часто, когда у насъ бывали гости, заходилъ разговоръ о томъ, что Шулины очень стѣсняются въ средствахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ у нихъ сгорѣлъ большой старый замокъ и имъ пришлось поселиться въ двухъ узкихъ боковыхъ флигеляхъ и очень тѣсниться. Но принимать гостей—было у нихъ въ крови; отъ этого они не могли отказаться. Если къ намъ пріѣзжалъ кто-нибудь неожиданно, то это значило, что онъ является отъ Шулиныхъ; и если кто-нибудь изъ нашихъ гостей вдругъ взглядывалъ на часы и съ испугомъ торопился распрощаться, то, навѣрное, его ждали въ Листагерѣ.

Мапан, въ сущности, уже болѣе никуда не ѣздила, но Шулины не принимали этого извиненія и потому, дѣлать нечего, нужно было какъ-нибудь навѣстить ихъ. Случилось это въ декабрѣ, послѣ того, какъ нѣсколько разъ уже сходилъ ранній снѣгъ. Къ тремъ было приказано подать сани и рѣшено взять и меня съ собою. Между тѣмъ, у насъ никогда не выѣзжали въ назначенное время. Мапан, не любившая чтобы ей докладывали о томъ, что лошади поданы, большею частью спускалась внизъ слишкомъ рано и, не заставъ никого въ передней, вспоминала о чемъ-нибудь, что уже давно слѣдовало сдѣлать, и принималась искать или прибирать, такъ что потомъ ее съ трудомъ можно было оторвать отъ этого занятія. Кон-

чалось тѣмъ, что всѣ собирались и сообща ждали. Когда же, наконецъ, она, закутанная, уже сидѣла въ экипажѣ, оказывалось, что что-то забыто и приходилось звать Сиверсенъ, такъ какъ только Сиверсенъ знала, гдѣ что находится. Но потомъ мы трогались раньше, чѣмъ Сиверсенъ успѣвала возвратиться.

Въ этотъ день вообще было не очень-то свѣтло. Деревья стояли, словно не находя дороги среди тумана, и то, что мы въѣзжали въ ихъ середину, казалось какимъ-то насиліемъ. Между тѣмъ, снова медленно посыпался снѣгъ и сталъ застилать послѣдніе штрихи на землѣ, такъ что казалось, будто мы ѣдемъ по чистому бѣлому листу бумаги. И не было ничего, кромѣ звона колокольчиковъ и нельзя было различить откуда онъ несется. Насталъ моментъ, когда онъ какъ бы затихъ, точно послѣдній бубенецъ весь израсходовался; но потомъ звуки снова накапливались, собирались воедино и снова разсыпались по мелочамъ изъ своей полноты. Но вдругъ, гдѣ-то высоко, почти надъ нами, сталъ выступать контуръ парка и мы очутились въ длинной аллеѣ. Звуки колокольчиковъ болѣе не прерывались; казалось, будто они гроздьями свѣшивались съ деревьевъ справа и слѣва. Тутъ мы завернули, что-то объѣхали, потомъ проѣхали мимо чего-то съ правой стороны и вдругъ остановились посрединѣ.

Георгъ забылъ, что главный домъ уже сгорѣлъ, да и въ ту минуту онъ дѣйствительно еще существовалъ для всѣхъ насъ. Мы стали подниматься по парадной лѣстницѣ, ведшей на старую террасу, и насъ удивляло лишь одно—отчего такъ темно. Вдругъ слѣва, внизу, позади насъ распахнулась какая-то дверь и кто-то крикнулъ: «Сюда»,—поднялъ мигающую свѣчу и сталъ помахивать ею. Отецъ разсмѣялся: «Мы лазаемъ здѣсь точно какіе-то духи»,—и помогъ намъ спуститься.

— Но, вѣдь, я только что видѣла здѣсь домъ,—сказала татап и никакъ не могла освоиться съ присутствіемъ Вѣры Шулинъ, съ радостнымъ смѣхомъ выбѣжавшей наружу. Понятно, пришлось поскорѣе войти и нечего было уже и думать о домѣ. Въ узенькой передней раздѣлись и, вслѣдъ за тѣмъ, мы сразу очутились въ комнатѣ среди зажженныхъ лампъ и тепла.

Это поколѣніе Шулиныхъ отличалось сильными и самостоятельными женщинами. Не знаю, были ли у нихъ сыновья—я помню всего трехъ сестеръ: старшую, замужемъ за какимъ-то маркизомъ въ Неаполѣ, съ которымъ она разводилась; разводъ шелъ очень медленно и она вела съ нимъ процессъ за процессомъ. Затѣмъ шла Зоя, о которой говорили, что не было ничего на свѣтѣ, чего бы она не знала. И потомъ шла Вѣра, дѣвушка чрезвычайно отзывчивая; Богъ знаетъ, что